

**Николай КОНЯЕВ,
Марина КОНЯЕВА**

г. Санкт-Петербург

*О преподобне отче Адриане,
угодниче Божий, пустынный жителю,
послушниче Христов!
Ты убиение от нечестивых человек
по наущению вражию претерпел еси,
но Господь Бог деснаго стояния Своего
со святыми тя сподоби.
Сего ради к раце честных мощей твоих
припадаем и молим тя усердно:
буди молитвенник ко Господу Богу
о нас грешных, святыми твоими молитвами
сохрани нас от всякаго зла, огня, глада, потопа
и всякия болезни и внезапныя смерти,
и умоли Господа Бога даровати нам
оставление грехов, деснаго же стояния
и нас сподобити, да непрестанно прославляем
Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго
Духа, во веки веков.
Аминь.*

Молитва преподобному Адриану,
игумену Ондрусовскому,
Олонецкому чудотворцу

*По полям и лугам, по тронутому сказочным
багрянцем лесу мчалась охота...
Трубили рога доезжачих,
заливисто лаяли собаки,
похрустывал ледок под копытами лошадей.
Истаивая, рассеивался утренний туман,
жался к земле, сползал, заполняя лощинки...
Хозяин охоты Андрей Завалишин
скакал впереди, преследуя убегающего оленя.
Трещали ветки, олень то скрывался
в лесной чащобе, то снова возникал,
застыв на залитом солнцем взгорке.
Давно отстала охота,
но Андрей продолжал преследование.
Уже давно смолк позади глуховатый
собачий лай, никого не было вокруг –
только желанная добыча впереди...
И снова остановился олень на высоком взгорке.*

СВЯТОЙ СРЕДИ ПИРАТОВ

**(Адриан Ондрусовский
в контексте истории)**

Пришпорил Андрей коня, но олень,
растаяв будто туман, исчез прямо на глазах.

Завалишин остановил взмыленного коня.
Только сейчас сообразил он, что не знает,
в какую сторону ехать назад.

Вокруг стоял незнакомый лес...

Кружась, плыли по воздуху облетающие
с деревьев листья, ни единый звук
не нарушал загустевшей тишины.

Обдумывая, что делать дальше,

Андрей вернулся к взгорку,
на котором стоял олень,
и тут увидел вдруг небольшую хижину.

Спрыгнув с коня,
подошел к дверям хижины и постучал.

Двери открылись.

На пороге стоял человек в обветшавшей
одежде, но с дивным светом в глазах.

– Кто ты есть? – осеняя себя
крестным знаменем, спросил отшельник.

– Дух или человек?

– Раб Божий! – ответил Андрей.

– Чего ты испугался? Подойди и дотронься до
меня и узнаешь, что я плоть и кровь, а не дух.

И благослови меня, святой отец...

– Благословен Бог, Который не даст
нас в добычу врагам нашим!

– осеняя и Андрея крестным знаменем,
сказал отшельник.

– Аминь! – ответил Андрей.

– Как твое имя, чадо? – спросил отшельник.

– Откуда ты пришел? Зачем?

– Святой отец! – сказал Завалишин.

– Родом я из московской страны, и имя мое Андрей.

Послан сюда великим князем, самодержцем
Всея Руси Иоанном Васильевичем.

Поместье мое в верстах,
я думаю, четырнадцати отсюда¹.

А сюда я попал, когда преследовал оленя.

Оленя не догнал, а дорогу потерял
и думал, что совсем заблудился,

но тут увидел твою хижину.

Для того я тебя потревожил, отче,
чтобы ты указал мне путь...

Часть первая

НА ГРАНИЦЕ СВЯТОЙ РУСИ И ЖИТИЯ

Встреча Андрея Завалишина с преподобным Александром Свирским подробно описана в «Житии преподобного и богоносного отца нашего Александра Свирского Чудотворца, составленном учеником его игуменом Иродионом».

Обратим внимание, что преподобный Александр из своей кельи «вышел испуганный, думая, что перед ним стоит дух, так как до этого времени он не видел ни одного человека в той пустыни».

Указание на испуг Александра Свирского воспринимается как естественная реакция человека на неожиданное появление незнакомца. Однако преподобного Александра Свирского невозможно отнести к категории обычных людей. К моменту встречи с Андреем Завалишиным он уже был сподоблен чудесных явлений, впереди у него встреча со Святой Троицей.

Чего же мог испугаться такой человек?

Понятно, что испугался преподобный Александр Свирский не разгоряченного погоней Завалишина, а той мирской суеты, напоминание о которой принес тот в его сосредоточенное молитвенное уединение.

1

Рассчитывая дату встречи преподобного Александра Свирского с Андреем Завалишиным, мы попадаем в начало девяностых годов XV века.

Уместно вспомнить тут события, от которых все долгие годы своего «валаамского» и «свирского» уединений был укрыт преподобный.

Русь ждала тогда – в 1492 году завершалось седьмое тысячелетие от Сотворения мира! – конца света. И в атмосферу этого ожидания очень точно вписывались туманные рассуждения об учении, принесенном в Новгород иудеем Схарией, прибывшим в Новгород 8 ноября 1470 года в свите киевского князя Михаила Олельковича. Учение это представляло смесь тайного иудаизма, астрологии и черной магии.

Опасности тогда никто не почувствовал. Туманом застлало глаза, и многие замерли в каком-то обморочном ожидании, про которое в дальнейшем так замечательно скажет поэт Осип Эмильевич Мандельштам:

Как вода в новгородских колодцах
должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась
семью плавниками звезда.

Первыми жертвами Схарии стали новгородские священники Денис и Алексей. Историю их совращения подробно описал в «Просветителе» преподобный Иосиф Волоцкий:

«Алексей же и Денис так старались укрепиться в жидовской вере, что всегда пили и ели с жидами и обучались жидовству; и не только сами учились, но и жен и детей своих учили тому же. Они захотели обрезать по вере жидовской, но жида им того не разрешили, говоря: если проведуют об этом христиане, то увидят и разоблачат вас; держитесь своего жидовства втайне, а внешне будьте христианами».

Этот момент чрезвычайно важен.

Оказывается, «доверительные отношения» ересархов распространялись только до определенной черты. Схария отнюдь не стремился утвердить иудаизм на Русской земле. Он лишь пытался склонить православных людей к отрицанию спасительных Таинств и основных догматов Православия, приучал их к искажению и осквернению святынь, которым поклонялся русский народ.

И тем самым он действительно приближал конец света, как для каждого своего адепта в отдельности, так и для всего их сообщества, в которое, по замыслу, и следовало превратить Русь.

Отрицая основные православные догматы, приверженцы ереси тем не менее внешне соблюдали все обряды и стремились проникнуть (и проникали!) в структуры Православной Церкви.

Когда в 1477 году вспыхнул новый мятеж в Новгороде, состоялся третий поход Ивана III Васильевича на Новгород. И так получилось, что новгородские священники Денис и Алексей оказались в Москве в Кремлевских церквях Успения и Михаила Архангела и от них ересь жидовствующих начала распространяться в высшем московском обществе.

И еще ближе придвинулся конец света для Руси...

2

Александр Свирский, как мы знаем, непосредственного участия в борьбе с ересью не принимал...

Но торопливый, похожий на бегство уход в монастырь юноши Амоса совсем не случайно, на наш взгляд, совпал с приходом на Русь лукавых еретиков.

Понятно, что невозможно было совратить будущего преподобного в ересь, но вспомните о детском стремлении Амоса сохранять чистоту и получать познание не от людей, а от Бога...

Преподобному Александру Свирскому, един-

ственному из русских святых, предстояло воочию лицезреть при земной жизни Святую Троицу, и это требовало совершенно необыкновенной чистоты души и силы молитвы, и, ощущая это, будущий преподобный и спешит удалиться от мира.

Житие Александра Свирского говорит, что родители его только через три года узнали, что сын стал иноком. Тогда Стефан, «распалившись отеческою любовью», отправился на Валаам, чтобы «успокоиться о нахождении» сына.

Не лишенная психологической остроты сцена встречи отца с сыном исполнена глубинного духовного смысла, который преобразует житейскую драму в святоотеческое повествование.

Вначале инок Александр долго отказывался от беседы с отцом и не соглашался даже выйти к нему на крыльцо кельи, но потом, уступая уговорам игумена, согласился на встречу.

Стефан, увидев сына, истомленного трудом и постом, одетого в худую одежду, начал уговаривать его вернуться домой.

Предложение отца было неприемлемо – не мог инок оставить монастырь и вернуться в мир. Но и противоречить отцу тоже было нельзя. Положение складывалось безвыходное, однако преподобный сумел найти правильный ответ. Не возражая отцу, он начал уговаривать того самого уйти в монастырь.

– Глаголю же ти! – сказал преподобный. – Иди ныне в дом твой с миром, и вся, елика обещал еси мне собранная имения твоя, продаждь и раздай нищим... Устрой о дому своем еже ти изрекох, и иди в монастырь Пресвятыя Богородицы во Остров, и туда пострижешися, и спасение души своей получиши...

Стефан не ожидал такого ответа от сына.

Не говоря сыну ни слова, развернулся он и отправился в монастырскую гостиницу.

Александр не останавливал его. Вернувшись в келью, он погрузился в молитву, испрашивая помощи Господа, чтобы отец последовал его совету.

И услышана была молитва преподобного.

Вернувшись в Мандеры, отец принял монашеский постриг. Ушла в монастырь и Васса, мать преподобного. Приняв имена Сергия и Варвары, родители Александра Свирского закончили свою земную жизнь в Островском Введении Пресвятыя Богородицы монастыре, где некогда молились о даровании сына...

Между тем события русской истории, не желающей дожидаться конца света, шли своим неотвратимым чередом...

В ночь на 11 сентября 1480 года сами по себе загудели кремлевские колокола в Москве. Это

началось отступление от Угры татарских ратей. Месяц назад, обходя русские заслоны на Оке, Ахмет-хан двинулся к Угре, однако русским военачальникам удалось разгадать этот маневр, и они успели занять переправы и броды на Угре раньше. И вот теперь татары ушли.

«Стоянием» на Угре завершился 240-летний татарский период нашей истории. Окончательно сбросив с себя ордынское иго, Московская Русь стремительно воссоединяет русские земли в единое, мощное государство. Присоединение Тверского княжества, «выводы» людей из Новгорода и заселение там москвичей, покорение Вятки, завоевание порубежных с Литвою городов...

Получается, что совсем не случайно начало «командировки» Схарию в Новгород совпало со стремительным укреплением Московского государства.

Случайно ли, но именно в победоносные для Московской Руси восьмидесятые годы распространение ереси жидовствующих достигло своего пика. Ересь распространилась тогда по всему государству и проникла в самые высокие круги русского общества.

Многие приближенные великого князя, начиная с главы правительства, думного дьяка Феодора Васильевича Курицына, брат которого стал вождем еретиков, были соращены в ересь. Ересью оказалась заражена не только Елена Волошанка, жена наследника русского престола Ивана Ивановича Молодого, но и некоторые иерархи Русской Церкви.

Сбереженная Русью в столетиях татарского плена православная вера оказалась в опасности, а вместе с нею и всё государство. Святая Русь, которую не удалось сокрушить ни татаро-монгольским игом, ни западными интервенциями, была поставлена на грань внутреннего саморазрушения.

И вот, воистину по промыслу Божию, 12 декабря 1484 года посвятили в архиепископы Новгородского архимандрита Чудова монастыря Геннадия.

3

6993 год от Сотворения мира, или 1484 год от Рождества Христова, отмечен и в Житии преподобного Александра Свирского знаменательным событием...

Не только для того, чтобы спастись самому, уходил от людей Александр Свирский, а для того, чтобы, обретая силы, привести к спасению других.

И он не терял времени.

Днем он находился в монашеских трудах, ночью же пребывал в молитвенном бдении. «И видимо было житие его не как человеческое, но как ангельское».

В северо-восточном углу Валаамского архипелага расположен открытый всем ладожским ветрам Святой остров. Здесь, в пещерке, вырубленной в скале, и подвизался в молитвенных подвигах преподобный Александр Свирский.

Пещерка невелика...

Когда проходишь в нее, плечи задевают за гранитные стены. Крохотного света лампы, горящей перед образами, достаточно, чтобы осветить все пространство кельи. Кроме икон и лампы, здесь только голый камень...

Несколько лет провел здесь преподобный Александр. Как сказано в Житии, «от великих трудов кожа на теле его сделалась такой жесткою, что не боялась и каменного удара».

В пещерке на Святом острове и услышал преподобный в ответ на свои молитвы голос Богородицы:

– Александре! Изыди отсюда и иди на преждепоканное тебе место, в нем же возможши спастися!

И светло стало...

Преподобный Александр выбрался из пещеры и за стволами сосен, вставших почти на отвесной скале, увидел тихие воды Ладоги.

Великий небесный свет сиял в той стороне, где текла Свирь, там, где явилась сто лет назад на Руси Тихвинская икона Божией Матери, там, где предстояло Руси воочию увидеть глазами преподобного Александра Свирского Святую Троицу...

Повторим еще раз, что это дивное и великое событие произошло в тот год, когда посвятили в архиепископы Новгородского архимандрита Чудова монастыря Геннадия.

С прибытием святителя Геннадия в Новгород и начинается борьба с ересью жидовствующих.

Первое известие о ереси дошло до нового архиепископа, когда четверо еретиков, напившись, начали обличать друг друга и тем самым обнаружили себя. В угрюмых сумерках новгородской обиды этому факту, возможно, и не придали бы значения, но святитель Геннадий «как свеча на подсвечнике, был поставлен Божиим судом» и, точно свеча, освещал самые темные закоулки новгородского ожесточения, которые так возлюбили еретики.

Уже при первых расспросах святитель Геннадий выяснил, что еретики давно уже проникли и в Москву, куда еще в 1480 году переехали их вожди.

Как свидетельствует Степенная книга, святитель Геннадий «Христовою силою вооружился на сих богопротивное коварство, и прехитро уловляя злодейное их пронырство, яко мрежею, богумудростными глаголы, яко хищныя волки и яко лукавыя лисицы; и вси тогда еретицы в сети безумия своего увязнуша, и ни един же не избысть».

Однако это итог 19-летней борьбы, а поначалу все шло не так складно.

После кончины Геронтия приверженцам ереси удалось поставить во главе Русской Православной Церкви «напоенного ядом жидовства» митрополита Зосиму.

И хотя спустя три недели после поставления Зосимы, в сентябре 1490 года, состоялся церковный Собор, на котором рассматривалось дело «жидовствующих», но исход его оказался определен. Зараженная ересью «партия власти», стремясь перехватить инициативу у новгородского владыки, поставила за два года до завершения седьмого тысячелетия от Сотворения мира борьбу с ересью под свой контроль.

«Еретики, бывшие в Москве, Федор Курицын и брат его Волк... – говорит в «Просветителе» преподобный Иосиф Волоцкий, – пришли к Государственному и умоляли его послать в Великий Новгород, в Юрьев монастырь, архимандрита, некоего еретика по имени Касьян, которого сам Федор и брат его Волк научили придерживаться ереси и жидовства, а Христа отвергнуть. И вот Касьян пришел в Великий Новгород, поселился в Юрьеве монастыре и бесстрашно собирал к себе всех еретиков и отступников, не боясь архиепископа Геннадия, потому что имел поддержку Федора Курицына... О, кто сможет без слез достойно поведать такую печальную повесть! Какой язык выговорит, какой слух спокойно воспримет такую беду!»

Не терял времени и «жизнелюбивый» еретик митрополит Зосима.

Он лишал православных Божественного Причастия, священников и дьяконов отлучал от сана, говоря, что нельзя осуждать ни еретика, ни отступника.

«Он также говорил: даже если святитель или священник будет еретиком и отлучит кого-либо или не благословит, то и на Божием суде так будет. Не сведущие в святых книгах боялись обличать его отступничество; читающие же святые книги... не переставали обличать митрополита и всем рассказывали о его еретичестве и о гнусных делах, митрополит же оклеветал их перед великим князем. Вскоре князь сослал невинных в изгнание, и они претерпели многие преследования: оковы, тюрьмы, разграбление имущества».

Митрополит Зосима попытался справиться и с Геннадием Новгородским, но святитель устоял и продолжил борьбу.

Перелом наметился, когда «возвестиша архиепископ сие зло игумену Иосифу и просит помощи»... – говорит «Житие Иосифа Волоцкого», написанное Саввой Черным.

Хотелось бы подчеркнуть принципиальный момент...

Если «вольнодумцы» и «гуманисты» – мы пользуемся тут терминологией Дмитрия Сергеевича Лихачева – искали и находили поддержку в высоких властных структурах, то архиепископ Геннадий Новгородский в борьбе с ними мог рассчитывать только на просвещение и образование русских людей.

Немало сил святитель Геннадий отдал продолжению Пасхалии и изложению Богословских основ ее.

В 1492 году он завершил эту работу.

Одновременно, поскольку еретики в своей проповеди постоянно прибегали к искаженным текстам ветхозаветных книг, архиепископ Геннадий взял на себя, казалось бы, совершенно неподъемный для одного человека труд – начал сводить в единый свод исправные списки Священного Писания.

Наряду с гигантской работой по созданию на русском языке канонического текста Священного Писания (Геннадиевская Библия), святитель занимался подготовкой людей, которые способны были искоренить невежество, на почве которого и процветали, возвращая своих новых сторонников, еретики...

4

И тут мы снова сталкиваемся с удивительным совпадением.

Как сказано в Житии, семь лет прожил в одиночестве преподобный Александр на указанном ему месте, и вот теперь, в 1491 году, уединение его было нарушено.

Андрей Завалишин принес преподобному весть о завершении затвора.

Прямо это никак не связывается с деятельностью святителя Геннадия Новгородского, но получается, что именно тогда, когда труды святителя обрели действительную силу и способными стали оградить православный мир от губительного воздействия ересиархов, и принесена была преподобному Александру Свирскому весть о завершении его затвора.

Действительно, хотя Александр Свирский и взял со своего гостя слово не рассказывать о нем, но Андрей вскоре вновь появился у отшельника «со отроки своими, несый бремя хлебов, и два пуда ржи, такожде и ячменя, и глаголаше: приими сие отче мой святой, и подаждь ми благословение, и моли о мне Бога»².

Вскоре следом за Андреем Завалишиным потянулись к святому отшельнику – ему было тогда сорок три года! – и другие ученики. Среди первых насельников создаваемой обители был родной брат пре-

**Преподобный
Александр
Свирский**

**Александр Свирский. Явление Святой Троицы преподобному
Александру. Имя в миру Амос.**

**Преподобный Адриан
(в миру – Андрей,
из рода дворян Завалишиных)
стал первым путником,
посланным Богом
для открытия
великого святого
всему миру**

**Ондрусово-Николаевская пустынь
на Ладожском озере в Олонецкой губернии. XIX в.**

**Гробница преподобномученика
Адриана Ондрусовского Чудотворца**

подобного – Иоанн, и инок Афанасий – сподвижник Александра Свирского по Валааму...

Поворотной стала встреча с Александром Свирским и для самого Андрея Завалишина...

Составленное на Валааме игуменом Иннокентием «Сказание о Преподобном Отце нашем Адриане Чудотворце, основавшем около 1520-го года по Р.Х. на берегу Ладожского озера в 25-ти верстах от города Олонца монастырь, именуемый ныне Ондрусова пустыня»³, подробно рассказывает, как происходила первая встреча преподобных...

«Сказание» приводит развернутые цитаты из жития Александра Свирского, где описано и прозрение Андрея Завалишина: «И разумех аз не еленю быти гониму мною, но Божия некая сила приводе мя твоему преподобству, до сподоблюся святого твоего благословения и молитвы», и признание, что и прежде во время охоты видел он над этим местом столп огненный или Божественное сияние, «а иногда яко дым светел от земли к высоте восходящ», но никогда не мог добраться «дондеже благоволи Бог».

– Молю тебя, отче святыи! – спрашивает Андрей Завалишин у отшельника. – Не утай от меня, Бога ради, како ты пришел в пустыню сию? И какое у тебя имя? И сколько лет здесь живешь? Паче же яви мне добродетельное житие твое, да приобрящу пользу души моей...

И прозрение Андрея Завалишина, и признание о видениях, бывших ему, принципиально важны. Содержание вести об огненном столпе, вставшем над кельей отшельника, которую приносит Завалишин, заключается в том, что завершилось время затвора и наступила пора прервать уединение.

Получив эту весть, преподобный Александр Свирский и сам становится вестником для своего гостя о той жизни, которую вел он сам и которую отныне предстоит вести самому Андрею Завалишину.

«Преподобный Александр вельми опечалися, яко не возможе утаитися от человек; клятвы же ради имени Божия не восхоте утаити тайны своя»⁴.

– Чадо! – говорит преподобный Александр Свирский Андрею Завалишину. – Я человек грешный, по имени Александр; ранее жил на Валааме в обители Спаса Вседержителя, где и пострижен. Затем задумал выйти из монастыря, поселиться на безмолвие в пустыню и плакать о грехах своих. По воле человеколюбивого Бога пришел на сие места, выстроил хижину и вот уже семь лет как обитаю здесь, до твоего прихода не видя ни одного человека. Питаюсь растущою здесь травою, хлеба же никогда не вкушал.

– Не было ли у тебя, отче, вначале, как ты пришел сюда, какой-либо болезни от такой суровой

жизни и чрезмерного поста, и не смущали ли тебя помыслы? – спрашивает Завалишин.

– Сначала трудно было, так как я не был еще привыкнувши к пустынножительству... – отвечает преподобный Александр. – Пришлось пострадать и от нахождения помыслов, после чего я сильно заболел сердечною болезнию, так что не мог стоя молиться, кланяться в землю и даже наклонять голову. Но лежа творил молитвословия, «им же исперва обыкох». Молился же врачу и целителю душ и тел человеческих Всемогущему Богу от одержащие мя болезни избавити. И однажды днем зело страждущему ми утробою, явися муж Преславный и сказал: «Чти ти есть и откуда страждеш?» Аз же слышав сие от него, и укрепився, и сказал ему: «Господи, утроба ми болит!» Он же сказал: «Покажи, где у тебя болит». Я показал. Он же, положив руку свою и осеняя меня крестным знамением, сказал: «Се здрав был еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет: но работай Господеву Богу своему отныне и до века». И с того времени чувствую себя легко, благодаря и прославляя человеколюбивого Бога за множество невыразимых Его милостей».

Диалог этот строится как исповедь преподобного Александра Свирского, в которой раскрывается тайна отшельнического бытия.

И эта невидимая и непостижимая тайна оказывает глубочайшее воздействие на Андрея Завалишина. Приведенный чудесным «еленем» к келье преподобного отшельника, он приносит преподобному Александру Свирскому весть, но после беседы-исповеди преподобного сам превращается в весть, возвещенную ему преподобным Александром Свирским, чудесным образом осуществляя в своей душе всё, о чем говорил тот.

Кстати сказать, бегло упомянув о втором свидании преподобного Александра с Андреем Завалишиным, когда тот привозит в пустынь «бремя хлебов», автор «Жития преп. Александра Свирского»⁵ более и не упоминает о нем...

Чудо преображения оставлено для другого жития – жития преподобного мученика, в которого превращается Андрей Завалишин.

Он оставляет богатства, связи, родню и удаляется в монастырь, чтобы явиться миру Адрианом Ондрусовским, чудотворцем, основателем Ондрусовской обители.

Как сказано в валаамском «Сказании о преподобном отце нашем Адриане Чудотворце»: «он гоня Еленя, и сам как елень притекши к сладкому источнику, к досточудному пустынножителю Александру Свирскому, и дважды от него напившись воды душеполезных бесед его, положил в уме своем и ни-

когда не разлучатся с сею независтною и в живот вечный приводящею струею Господнею»⁶.

5

Встреча Андрея Завалишина и преподобного Александра Свирского произошла – год рассчитывается по житию преподобного Александра Свирского – в 1491 году...

Предполагается, что вскоре после встречи с Александром Свирским Андрей Завалишин уходит в монастырь.

Где он принимает монашеский постриг, точно неизвестно.

Автор валаамского «Сказания» утверждает, что Завалишин вступает в монастырь к самому Александру Свирскому: «Сего ради оставив по времени свое потомство, прилепился к лику собираемой тогда по Божию повелению преподобным Александром братии и наречен быв, при пострижении в монашество Адрианом, вкупе с ними подвизася в постнических трудах, утешая себя присно медоточными учения Богомудрого отца Александра и во всем ему, яко пастырю и учителю своему усердно подражая»⁷.

А вот Житие преподобномученика Адриана, составленное архимандритом Никодимом, утверждает, что монашеский постриг Андрей Завалишин принял на Валааме: «Познав сладость пустынного жития, Андрей оставил славу, могущество, сан, облекся в одежду нищеты и смирения и ушел в валаамскую обитель, где после продолжительного искуса сподобился великого ангельского образа и наречен Адрианом»⁸.

Косвенно в пользу валаамского пострига Завалишина свидетельствует и отсутствие упоминания Адриана среди учеников преподобного Александра Свирского в его Житии...

И все же противоречие это, как представляется нам, мнимое...

И Александр Свирский, и инок Афанасий, и другие насельники пустыни на Рошинском озере были валаамскими монахами и, вероятно, первое время ощущали себя частью Валаамского монастыря. Так что, если Андрей Завалишин и принимал постриг у Александра Свирского, все равно считалось, что это происходило как бы на Валааме. Точно так же, если постриг производился на Валаамском острове, Адриан Ондрусовский все равно продолжал ощущать себя учеником Александра Свирского...

Тот же архимандрит Никодим, твердо указав, что иноком Андрей Завалишин стал в Валаамской обители, без всякого перехода добавляет: «Желая во всем идти по следам Преподобного Александра, Адриан после нескольких лет пребывания на Вала-

аме, испросив благословение валаамских старцев, удалился на восточный берег Ладожского озера, избрал уединенное место и, с благословения святого Александра, «поселился там в пустынножитие»⁹.

Как мы видим, благословение валаамских старцев естественно перетекает тут в благословение Александра Свирского.

В «Валаамском сказании...» об этом благословении сказано так: «По времени же, без сомнения, с воли и благословения Великого во Отцах Александра отыде преподобный Адриан около 1520 года по Р.Х. на берег Ладожского езера, избрав в 25-ти верстах от города Олонца уединенное место и, основав монастырь, вселися ту и трудолюбие подвизася о Бозе в посте и молитвах»¹¹.

Весьма трогательно это утверждение – «без сомнения»...

На наш взгляд, оно совершенно определенно свидетельствует, что игумен Иннокентий говорит о благословении, данном Адриану, исходя из логических умозаключений, а не конкретных фактов.

Но, повторяем (в этом нет разночтения!), Адриан Ондрусовский – ученик Александра Свирского. Ему первому открыл великий русский святой тайну отшельнического жития.

Благословение, данное во время второй встречи – «Бог да благословит тя, чадо, и умножит всех благих изобильно», – Адриан Ондрусовский пронес через все свое иноческое житие. Вся его иноческая жизнь – это весть, которую некогда, как вестник, принес он преподобному Александру.

Вероятно, постриг Андрея Завалишина произошел в 1492 году...

Повторим, что в этом году завершалось седьмое тысячелетие церковного счета времени от Сотворения мира и эсхатологические предчувствия были чрезвычайно сильны.

Захлестывая Москву, все еще набирала силу распространившаяся из Новгорода ересь жидовствующих. В атмосферу эсхатологических ожиданий и предчувствий очень точно вписывались лукавые рассуждения ересиархов.

«Если Христос был мессия, то почему не является Он в славе, по вашим ожиданиям?» – проповедовали они.

Что произошло в том году?

На реке Цымле нашли серебряную и медную руду. Отныне чеканка монет стала производиться из своего серебра.

Началась первая война Ивана III Васильевича с Литвой и заложен был Ивангород...

Благодаря самоотверженной просветительской деятельности святителя Геннадия Пасхалия была не только продолжена, но и составлено изложение Богословских основ ее.

Святитель Геннадий, как известно, ввел понятие о великом миротворном круге – через каждые 532 года числа Пасхи повторяются в точности.

Одновременно, поскольку еретики в своей проповеди постоянно прибегали к искаженным текстам ветхозаветных книг, архиепископ взял на себя, казалось бы, совершенно неподъемный для одного человека труд – начал сводить в единый свод исправные списки Священного Писания.

В итоге Церковный Собор в Москве утвердил Пасхалию на первые двадцать лет восьмого тысячелетия от Сотворения мира и принял решение начинать летосчисление в России с 1 сентября вместо 1 марта.

Так прокладывали дорогу в будущее на Руси.

Еще в этот год, разыскивая кратчайший морской путь в Индию, Христофор Колумб достиг острова Сан-Сальвадор.

Так европейцы вместо конца света открыли Новый свет...

Встреча с преподобным Александром Свирским удалила Андрея Завалишина от этих событий, они не касаются его напрямую, но причудливые ответы их, кажется, ложатся на монашеское житие будущего преподобного, которому своим служением тоже предстояло прокладывать дорогу в будущее Святой Руси.

Семь лет провел в затворе его учитель, преподобный Александр Свирский.

Если мы отмерим в житии Адриана Ондрусовского семь лет от преобразившей его встречи с преподобным Александром Свирским, то попадем в 1498 год.

Это год кончины преподобного Киприана Стороженского¹¹ – святого, которого не было бы без Адриана Ондрусовского, как и самого Адриана не было бы без Александра Свирского...

6

Прежде чем приступить к изложению этой, словно из приключенческого романа списанной истории, надо подробнее рассказать о географическом положении пустыньки, основанной Адрианом...

Находилась она на Ондрусовском полуострове, на восточном берегу Ладожского озера... И хотя не так и сильно была удалена пустынька от населенных

пунктов, но попадали сюда с большим трудом – путь преграждали топкие болота.

Очевидно, этим и объясняется тот факт, что остров Сала, являющийся продолжением Ондрусовского полуострова, издавна был облюбован в качестве надежного укрытия озёрными разбойниками-пиратами. Кстати сказать, и само название свое мыс получил от имени обитавшего здесь разбойника Ондруса.

А на южном берегу озера, на столь же труднодоступном со стороны суши полуострове, который назывался тогда Загубским¹², на Стороженском мысу, обитала другая пиратская шайка.

Места для разбойного промысла были подходящие.

Между островом Сала и Стороженским мысом собираются в единое русло три большие реки – Свирь, Оять и Паша... В купеческих судах недостатка не ощущалось.

Как дальнее эхо древнего промысла звучат здешние названия: Медвежья кара... Черная кара... Разбойная кара...

В общем, все было, должно быть, как в рассказе старца Иоаннушки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

*Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.*

*Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр – атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан...*

Нетрудно догадаться о досаде пиратов, обнаруживших, что вблизи их укровища обосновались монахи-отшельники. Явившись к Адриану, атаман потребовал, чтобы святой убирался прочь.

«Скорбно было преподобному расстаться с местом, благословенным ему на жительство святым его наставником. Он умолял гонителя оставить мирное убежище труженикам Божиим. Не имея ни серебра, ни золота, чтобы предложить выкуп разбойнику, Адриан обещал ему ходатайствовать о нем в молитвах своих перед Господом, советуя ему притом покинуть пагубный промысел. Разбойник, не понимая пустыльника, поспеялся словам его, но потом, Божиим произволением, слезы Адриана смягчили ожесточенное сердце грабителя, и отшельники были им оставлены в покое»¹³.

Между тем, как и положено по сюжету, между

Сальской и Стороженской группировками начались разборки.

И вот наступил день, когда обе шайки встретились.

Счастье изменило сальским пиратам. Их предводитель попал в плен. Скованный лежал он в ладье врага.

И тут в ожидании страшных мучений и смерти и вспомнились ему обещания пустынного. Раскаяние возникло в суровой душе, и вот – о, чудо! – он увидел перед собою Адриана.

– Милосердием Господа, ради которого я просил у тебя пощады братству нашему, ты свободен! – сказал отшельник, и оковы упали с разбойника – он очутился на берегу, но Адриана уже с ним не было!

Желая отблагодарить его, разбойник отправился в обитель преподобного и здесь нашел Адриана, который, никуда не отлучаясь из монастыря, всю ночь провел, читая Псалмы...

Святой разъяснил, что причина чуду не он, а сила Божия, вспомоществующая по молитвам работающих Ему.

Разбойник пал к ногам преподобного и попросил научить служению Господу. Он остался в монастыре и здесь и закончил в молитвах и покаянии свою жизнь.

Столь же успешным было «перевоспитание» Адрианом и обитателя Стороженского мыса.

Пробудилась совесть и у этого пирата...

Все произошло, как в поэме Н.А. Некрасова:

*Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!*

Раскаявшийся пират основал на месте разбойничьего вертепа иноческую обитель и постригся в монахи сам. Раскаяние его было столь велико, что Господь прославил раскаявшегося грешника после кончины многими чудесными знаменами, и он почитается как преподобный Киприан Стороженский...

Год кончины преподобного Киприана устанавливается по дате, выбитой на его надгробии, которое сейчас, к сожалению, утрачено. Однако сохранились свидетельства людей, видевших надпись: «На сем месте погребен Киприан, начальник и строитель обители сей, лето от сотворения мира 7006»¹⁴.

Семь лет прошло с того дня, когда явился на Ондрусовом мысу преподобный Андриан...

Разумеется, семь лет – ничтожно малый срок для

свершения столь дивных преобразений. Не случайно игумен Иннокентий, сообразуясь с хроникой жития Александра Свирского, уже в заголовке своего труда передвигает с конца XV века на 1520 год саму дату основания Ондрусовской пустыни. Видимо, он рассуждал, что коли Александр Свирский провел в монашестве около тридцати лет, прежде чем основал свой монастырь, значит, около трех десятков лет должно было пройти между этими событиями и в жизни его ученика.

Однако метод подобия, как мы видим, не всегда срабатывает.

События происходили более стремительно, и стремительность эта, на наш взгляд, была обусловлена тем величайшим духовным напряжением, которое устанавливается в Приладожье, на новгородской, очищенной святителем Геннадием от ереси земле...

Уже совсем близко одно из самых великих событий в истории Святой Руси – явление преподобному Александру Свирскому Пресвятой Троицы.

7

Напомним о событиях первых лет XVI века...

Ивану III Васильевичу удалось отвоевать верховья Днепра и Западной Двины...

В 1503 году было заключено перемирие с Литвой, согласно которому в состав Московского государства вошла Северская земля с Черниговом, Стародубом, Путивлем, Рыльском, Новгород-Северским, Гомелем, Любечем, Трубчевском, Радогцем, Брянском, Мценском, Любутском, Серпейском, Мясальском, Дорогобужем, Торопцом.

Еще в тот год преподобный Иосиф Волоцкий завершил свой великий «Просветитель» – книгу, избличавшую ересь жидовствующих, а Церковный Собор по вопросам монастырского землевладения, на котором приверженцы ереси попытались столкнуть «скитское» мирозозерцание Нила Сорского с убеждениями Иосифа Волоцкого, считавшего, что монастыри могут владеть земельными угодьями, осудил жидовствующих.

Через год, 18 января 1505 года, умерла в заключении соvrащенная в ересь Елена Волошанка, вдова Ивана Молодого, а Иван III Васильевич в связи с тяжелой болезнью передал правление государством сыну – Василию III Ивановичу, будущему отцу Иоанна IV Васильевича (Грозного).

И вот в 1507 году и произошло событие, значение которого невозможно переоценить и сейчас!

59-летнему преподобному Александру Свирскому

явились три Мужа в белых одеждах, сияющих «невыразимым светом». Александр Свирский стал единственным русским святым, сподобившимся воочию лицезреть Пресвятую Троицу.

И как величественно, как значимо и необходимо в преддверии этого Богоявления преобразование бандитских притонов по обе стороны устья Свири – реки, вблизи которой и произошло чуть позже явление Пресвятой Троицы в святые обители Николая Чудотворца.

Слева поднялась Андрусово-Николаевская обитель.

Справа – Киприано-Стороженский Никольский монастырь.

«Сице обличение на еретики и на неверныя вся, победа и одоление на царевы враги, и поправление на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа Валаамскаго монастыря начальников, иноков, о Бозе на большее спасение. И достоин тому тако быти. Провидели святыми божественными книгами в новой благодати царей и великих князей простоту и иноческую погибель последняго времени будет. Послушаем сего, отцы и братия, со умилением и вниманием. Благослови Отче», – так начинается выдающийся памятник русской исторической публицистики середины XVI века «Валаамская беседа», автором которой некоторые историки считают Адриана Ондрусовского¹⁵.

Однако преподобный Адриан Ондрусовский был не только одним из образованнейших людей своего времени, но еще и умелым хозяйственником.

Поразительно, как быстро богател при нем монастырь.

Валаамское «Сказание о преподобном отце нашем Адриане Чудотворце» не касается судьбы имения, оставленного Андреем Завалишиным. Как бы подразумевается, что оно просто перестало интересоваться преподобного, когда тот принял монашеский постриг.

Думается, что это не совсем так.

Определенно известно, что младший современник Андрея Завалишина Федор Колычев, который, скрывая свое высокое происхождение, принял в Соловецком монастыре постриг, тем не менее от состояния своего не отказался и, став настоятелем монастыря Филиппом (Колычевым), употребил его на монастырское строительство.

Почему так не мог поступить Андрей Завалишин, став игуменом Адрианом?

И, конечно же, читая сообщение архимандрита Никодима, дескать, «слух о богоугодной жизни отшельников Ондрусовой пустыни дошел до Ца-

ря и Великого Князя Василия III Иоанновича. Благочестивый Государь дал им грамотою милостыню из своей казны, повелевая выдать «преступая чрез два года на третий безволокидно» и вместе с этим воспрещал наместникам брать пошлины с монастырских ловцев и тоней» – надо иметь в виду, что «слух о богоугодной жизни отшельников Ондрусовой пустыни» едва ли успел бы столь быстро дойти до царя, если бы не оказались включены былые связи Андрея Завалишина.

Царь Иоанн Васильевич Грозный тоже, как известно, подтвердил льготы, данные монастырю родителем, и пожаловал рыбные тони в Ладожском озере¹⁶, а в 1546 году он особой грамотой повелел дьякам новгородским: «С Рождества Христова с год на год вместо милостыни дать: игумену 5 коробей ржи, 5 коробей овса, да 2 пуда соли, да гривну новгородских денег; на 15 братов на брата по 2 короба ржи, по 2 короба овса, да по пуду соли, да по 2 алтына денег; да Пречистой и Николе Чудотворцу 2 пуда меду на канун, по 2 пуда воска на свечи, да пять коробей пшеницы на просвиры».

В правление Иоанна Грозного достигает своего апогея земная слава Адриана Ондрусовского.

Но не в радость преподобному была она.

Адриан Ондрусовский первый ученик Александра Свирского, святого, являющего пример высочайшего смиренномудрия.

Мы рассказывали, как однажды к Александру Свирскому, когда он был уже игуменом монастыря, слава о котором распространилась по всей Руси, пришел монастырский эконо и сказал, дескать, кончаются дрова и надо бы послать в лес какого-нибудь праздного монаха, чтобы нарубить их.

– Я празден... – отвечал Александр.

Взял топор и отправился в лес.

Этому смиренномудрию преподобный Александр сумел научить и своих учеников.

Ну, а Адриан Ондрусовский обладал таким великим смиренномудрием, что и совершая с Божией помощью чудеса, всегда удивлялся своему участию в них.

Так было в чуде спасения разбойника Ондруса, когда чудо Божие было сотворено по его молитвам и его руками, но как бы и без участия преподобного.

Нечто подобное мы видим и в истории крещения царской дочери Анны.

Произошло это в 1549 году.

8

Предыдущий 1548 год принято называть «годом перемен» в царю Иоанне IV Васильевиче Грозном.

«Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не калялся, наконец Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой...»

В 1548 году молодой царь сблизился со священником Кремлевского Благовещенского собора Сильвестром и окольничим Алексеем Федоровичем Адашевым.

Создана была Избранная рада во главе с А.Ф.Адашевым. В нее вошли священник Сильвестр, митрополит Макарий, князь Андрей Михайлович Курбский, Дмитрий Иванович Курлятев, Роман Иванович Одоевский, Михаил Иванович Воротынский, Александр Борисович Горбатый-Шуйский, бояре Иван Михайлович Висковатый, Иван Васильевич Шереметев.

Правда, омрачил было этот «год перемен» неудавшийся поход Иоанна IV Васильевича Грозного на Казань. Тогда из-за внезапного потепления лед на Волге провалился, осадная артиллерия и часть войска погибли, и царь вернулся в Москву «в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить похода».

Тем не менее казанская неудача не прервала преобразовательной деятельности государя.

В 1549 году созывается Первый Земской Собор, так называемый «собор примирения». Собравшиеся представители областей совместно с царем наметили основные задачи по улучшению государственного управления и судебной системы, а также подготовили новый «Судебник».

Прошел тогда и Второй Церковный Собор, завершивший первую канонизацию местночтимых святых. К 22 прежним прибавилось еще 39 русских святых.

Завершена была реформа местного управления: отменена система «кормлений», произведен учет земель с целью установления объема взимаемых налогов. Ограничили суд наместников. Уголовное судопроизводство передали старостам, избравшимся из местных детей боярских. Губные уставные грамоты определили правила местного самоуправления.

Успехи в государственном строительстве соединились и с семейными радостями.

В ночь на 1 августа 1549 года Иоанн IV Васильевич ждал разрешения от беременности супруги Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

К появлению своего первенца царь Иоанн Василь-

евич отнесся с необыкновенной предусмотрительностью. Восприемником его был назначен старец Геннадий Костромской и Люблиноградский¹⁷, имевший дар прозорливости. Несколько лет назад, находясь по делам обители в Москве, старец посетил дом боярина Романа Юрьевича Захарьина (родоначальника Романовых) и предсказал его дочери Насте, тогда еще девочке, что она станет царицей.

Выбор Геннадия в качестве восприемника, по видимому по желанию Анастасии, и был совершен, а другим восприемником, чтобы упрочить долгоденствие и здравие ожидаемого младенца, Государь, руководствуясь древним суеверием, решил взять первого попавшегося путника...

Опять-таки, – тут уже начинала работать другая примета! – считалось, что встреча с монахом в таком случае приносит несчастье, поэтому отдан был приказ, чтобы ни один черноризец, под страхом смертной казни, не смел приближаться к дворцу, пока не будет совершено крещение царственного младенца.

Приметы эти современному человеку могут показаться нелепыми, но не будем забывать, что всего два года назад в Москве, накануне больших пожаров, появились так называемые «сердечники» – чародеи, «вынимавшие из людей сердца», а после пожаров начались народные волнения по поводу бабки царя Анны Глинской, которая «з своими детьми и людьми волхвала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела».

Поэтому и сейчас ни бояре, ни сам Государь не видели ничего нелепого в мерах, принимаемых ради здоровья первенца.

В ночь на первое августа 1549 года у Иоанна IV Васильевича и его супруги Анастасии Захарьиной-Юрьевой родилась дочь. Как и было задумано, велели привести с улицы первого встречного.

Едва посланец вышел из царских палат, он с ужасом увидел пред собою престарелого инока, но ослушаться он не посмел и повел его во дворец. Когда же старца-чернеца ввели в царские покои, приближенные узнали в нем Андрея Завалишина.

Заподозрив, что все это подстроено, разгневался Иоанн IV Васильевич.

– О, злобесный собачий умысел! – вскричал он. – А ты окаянный, как же ты, позабыв про свой инокский сан, согласился участвовать в нем?!

Однако святой Адриан не устрасился, хотя и сам был удивлен своим появлением в царском дворце, поскольку, отправившись по монастырским делам в путь, он был вдали от Москвы.

Впрочем, так уже бывало с ним, когда он спасал разбойника Ондруса.

– Великий Государь! – с безмятежным спокойствием отвечал Адриан. – Повели справиться: еще вчера вечером я был за сто с лишком поприщ от престольного твоего града и сам недоумеваю, как теперь очутился здесь.

Иоанн IV Васильевич приказал послать гонцов, чтобы проверить сказанное, но слова преподобного полностью подтвердились. Царь узрел в этом событии Волю Божию и велел вопреки примете назначить святого Адриана восприемником своей дочери.

Как свидетельствует Никонова летопись: «Лета от Адама 7057 от Христа 1549 года Августа в 1-й день, в субботу на неделю в ноши той в начале 4-го часа родися Царю и Великому князю Иоанну Васильевичу, всея России Самодержцу, дщи царевна Анна от Царицы и Великой княгини Анастасии от дщери Романа Юрьевича, а крестил ея Благоверный Царь в новом монастыре девича, в церкви Святых Праведных Богоотец Иоакима и Анны в новопоставленном храме во имя ея; приехал Царь и В.К. в субботу в монастырь и обложил храм Святых Праведных Богоотец Иоакима и Анны и ту слушав всенощную и заутреню, и во утрия день в неделю Августа в 18 день церковь свящал и дщерь свою царевну Анну, а крестил ея старец Адриан Ондрусовской пустыни, да старец Геннадий Сарайския пустыни Корнилиев ученик, а действовал священническая Игумен Троицы Сергиева монастыря Серапион Курцов».

9

Обыкновенно составители жития преподобномученика, излагая этот эпизод его жизни, ограничиваются цитатой летописи и ведут повествование дальше, рассказывая о мученической кончине Адриана Ондрусовского.

Между тем тут есть то, над чем следовало бы задуматься, поскольку крещение царской дочери – последнее из известных нам земных деяний преподобного Адриана Ондрусовского...

Ведь на обратном пути из Москвы Господь судил блаженному старцу окончить земное поприще мученическою смертью и стяжать венец страстотерпца.

По общепринятой версии, крестьяне соседнего с пустыней села Обжи, узнав о милостивом приеме старца в Москве, «научаемые диаволом», решили завладеть царскими дарами.

Распаленное воображение рисовало им немислимые богатства царского кума.

15 мая 1550 года Адриан попался в руки поджи-

давших его разбойников. Каково же было удивление, когда они обнаружили, что странническая сума составляет все богатство преподобного.

Думая, что он где-то спрятал царские дары, разбойники принялись избивать Адриана куриками¹⁸ и били в остервенении до тех пор, пока он не предал Богу душу.

Чтобы скрыть преступление, убийцы бросили тело преподобного в болото в тридцати верстах от обители...

Версия эта общепринята, и ни у кого не вызывают недоумения явные нестыковки в ней.

Не очень-то понятно, почему Адриан выбрал для своего возвращения в обитель самое бездорожное время, когда Приладожье становится практически непроходимым.

Неясно и то, как это до крестьян дошел слух о необыкновенной чести, оказанной преподобному Адриану.

Разумеется, в жизни бывает всякое, можно и в непроходимое бездорожье пуститься в путь, могли и вести из царского дворца каким-то чудесным образом дойти до обитателей деревни Обжи, но есть и то, чего никак не может быть...

Напомним, что чудодейное появление Адриана на крестинах царской дочери потому и разгневало Иоанна IV Васильевича, что согласно примете предвещало несчастья.

И примета эта в точности оправдалась.

20 июля 1550 года Анна Ивановна, старшая дочь Иоанна IV Васильевича и его первой жены Анастасии Захарьиной-Юрьевой, умерла, прожив меньше года¹⁹.

Само по себе это тоже ничего не значит, многие дети тогда умирали в младенческом возрасте, но с другой стороны, зная, как болезненно относился Иоанн IV Васильевич к вопросу о своих наследниках, нелепо даже думать, что он не попытался связать смерть своего первенца и столь необычное появление на крестинах монаха Адриана.

Разумеется, мы не рискнем определенно обвинять Иоанна IV Васильевича еще и в этом грехе, но, конечно же, искушение уточнить все обстоятельства и испытать монаха, так странно появившегося на крестинах скончавшейся вскоре дочери, не являлся ли он каким-нибудь чародем или «сердечником», право же, не могло не возникнуть в грозном царе.

И право же, версия кончины преподобного Адриана на пытке или после пытки выглядит гораздо более убедительно, нежели версия о нападении на святого крестьян, вооруженных куриками.

Конечно, можно возразить, дескать, общепринятой датой кончины преподобного Адриана называют 15 мая, и значит, смерть преподобного произошла еще до кончины Анны Иоанновны 20 июля 1550 года, но это не опровергает выдвинутую нами версию, а лишь укрепляет ее.

Дело в том, что 15 мая, спустя два года, Адриан явился братии, чтобы возвестить, где находится его тело, но о том, что это день его кончины, он не сообщал.

Более вероятно, на наш взгляд, что убили Адриана в августе, когда и совершается его память... И тогда выходит, что убили его как раз после кончины царевны Анны...

Два года в монастыре ничего не знали о судьбе своего настоятеля, пока преподобномученик не явился во сне монастырским старцам и не указал место, где находится его тело.

Он повелел похоронить его в обители.

Угодник Божий назначил даже путеводителя к временной могиле своей. Святой Адриан сказал инокам, чтобы они, встретив близ селения Обжи крестьянина, пашущего на белой лошади, выпрягли бы ее и пустили на волю, а сами следовали за ней.

Братия так и поступила, и белая лошадь привела их к болоту, где под грудью мха и обрели скорбящие иноки нетленное тело страстотерпца, человека, жившего в своей эпохе на рубеже сказки и чуда, на границе Святой Руси и строящейся империи.

Еще в конце прошлого века вблизи Обжи можно было видеть деревянный крест, установленный на месте временной могилы Адриана Ондрусовского.

Отсюда со слезами и молитвами перенесла братия тело святого учителя в монастырь и погребла подле северной стены церкви святителя Николая. Впоследствии над могилой преподобного была сооружена часовня, превращенная затем в Храм Введения Пресвятыя Богородицы, где и сейчас почивают под спудом святыне мощи, «изливая многообразными чудотворениями, осеняющую их благодать Божию на всех, притекающих к ним с верою»²⁰.

Интересно, что в год обретения мощей преподобного Адриана обители был пожертвован новгородцем Василием Иониным Котельниковым одиннадцатипудовый колокол. Этому колоколу и суждено было известить округу о чуде обретения святых мощей преподобномученика...

«Все то, како убиен бысть святой и како явился братии, повелевая принести тело свое в обитель, – сообщает валаамское «Сказание о преподобном отце нашем Адриане-чудотворце», – можно видеть на древних иконах в обители его обретающих»²¹.

Часть вторая

НА ГРАНИЦЕ ЖИТИЯ И ИМПЕРИИ

Печальные времена наступают для обители после кончины преподобного.

Через тридцать лет, в 1582 году, в монастырь пришли шведы.

«Монастырь Ондрусов, Ондрианова пустыня, на озере на Ладоге. А в нем церковь Николы Чудотворца каменная, да место церковное, что была Церковь Введение Пречистыя. А церковь сожгли немецкие люди. Да на монастыре ж место, что была келья игуменская, да семь мест, что были кельи братские. А около монастыря была ограда деревяна. Ограду же сожгли немецкие люди. Да за монастырем двор коровницкий, хоромы ставят ново, а в нем живет черной поп Сергей да два старца. А пашни под монастырем нет».

Это описание сделано тогда же, в 1582 году.

Подробно и бесстрастно рисуется разорение.

Всё сожжено...

От братии уцелели только два немощных старца...

Остальные монахи, как свидетельствует предание, перебиты шведами...

1

Пытаясь спасти обитель преподобного Адриана, царь Федор Иоаннович, утвердив собственноручной подписью прежние грамоты, повелел добавить монастырю новые льготы:

«От Москвы по дороге Нова города и до Андрусовы пустыни и до Великого Нова города и до Москвы наместником, по волостем, волостным порогу Ладогского властям и пошленником, по мытом мытником, по рекам перевозчиком и мостовщиком и всяким начальником: поедут из Ондрусовы пустыни с Ладожского озера, от Введения Пресвятыя Богородицы, да от Николы Чудотворца, игумен, строитель или старцы и слуги того монастыря в Великий Новгород, водяным путем в судах и в лодках; а сухим путем на санях или на телегах, что на монастырь купят, а к нам на Москву о монастырских делах: а к студеному морю соляной пятилимскую потребу монастырскую и на братию отмера и мыта и перевозу и мостовщины и иных никаких пошлин не имать, а пропускать их безаценно же по сей нашей грамоте»²².

Увы... Не помогла монастырю государева милость...

Едва только начала восстанавливаться Ондрусова пустынь, как пришло Смутное время.

И снова жгли храмы обители, снова убивали иноков...

И снова пытались восстановить пустынь при царе Михаиле Федоровиче, но снова пришло военное разорение...

В 1667 году на развалинах Ондрусовской пустыни попытались устроить девичью обитель... До 1764 года Ондрусовский монастырь состоял при Александро-Свирском монастыре, а во времена екатерининских гонений на Православную церковь при составлении духовных штатов его упразднили вообще...

Судьбу Адриано-Ондрусовской обители разделил и Киприано-Стороженский Никольский монастырь.

Расположен он был на мысу, недалеко от нынешней Свирицы.

Там, в 18 километрах от деревни Загубье, стоит и сейчас Стороженский маяк, с 75-метровой высоты которого хорошо видно, как вытягиваются суда из тесного фарватера Свири и растворяются в голубой дымке озера...

На многие километры тянется здесь песчаный пляж.

Еще примечательно – старое кладбище возле монастыря. Узорчатые кресты роняют кружевные тени на заросшие травой могилы.

От самого монастыря сохранилась только церковь, сложенная из крупных булыжников. Церковь – двухэтажная, архитектура самая незатейливая. Но стены так толсты, что их не повредило – во время войны в церкви был оборудован дот! – и прямое попадание снаряда. Окна разной величины и расположены без всякой симметрии. Церковь эта по праву считается сейчас одной из самых старинных построек на Ладожском озере.

Старожилы села Сторожно – ладожские рыбаки – помнят, что раньше церковь была обнесена бревенчатой оградой, все бревна которой были покрыты вырезанными на них крестами и надписями: «Июля 30 дня 1765 года тихвинские купцы Семен Ягодов и Лука Стогов, да мещанин Сергей Ионов здесь погоду стояли»...

Последние надписи датированы 1806 годом.

В том году открыт Ладожский канал, и с тех пор и начал хиреть Стороженский монастырь, служивший в непогоду пристанищем для судопроходителей.

Пришла в ветхость и сама церковь.

Обвалилась крыша...

Рухнувшими кирпичами и мусором засыпало плиту над могилой Киприана Стороженского...

2

В «Житии преподобного Адриана» много событий, значение которых не раскрывается в обычной повествовательной логике. И прежде всего это относится к преображениям, которыми буквально заполнена его жизнь.

Вельможа, богатый аристократ Андрей Завалишин, встретив преподобного Александра Свирского, превращается в такого же отшельника.

Встреченные преподобным Адрианом пираты преображаются в святых и подвижников благочестия...

Скромный черноризец, настоятель затерянной на ладожском берегу обители – в царского кума. А царский кум – в нищего странника, которого убивают превратившиеся в разбойников крестьяне села Обжа, пытаясь допытаться, где скрыл он сокровища...

Даже домашние животные, возникающие в житии преподобного, и те претерпевают странное и загадочное преображение.

Например, лошади...

В Житии святого упоминаются две лошади...

Конь, который привез Андрея Завалишина к келье преподобного Александра Свирского, и лошадь, которая приведет иноков Ондрусовой пустыни к брошенному в болото телу преподобного Адриана Ондрусовского...

Великие чудеса творил Адриан Ондрусовский и после завершения земного пути.

Одно из них – восстановление окончательно упраздненной Екатериной II обители...

Тогда, два столетия назад, как и сейчас, возродить монастыри было трудно, как и порою и очень опасно. Но тогда тоньше был слух, острее духовное зрение, яснее различали люди обращенные к ним глаголы...

В Валаамское сказание о преподобном Отце нашем Адриане Чудотворце вшит любопытный документ, на который хотя и нет ссылок в самом сказании, но который тем не менее совершенно определенно связан с ним.

Текст этот озаглавлен «Нещастное приключение Валаамского монастыря строителя Иосифа Шарова, сказываемое им самим племяннику его по Ингерманландии коронному питейных сборов поверенному К.В.К. и Новолодожского Собора иерею Георгию в бытность их в оном монастыре в 1769 г.».

«Лета от воплощения Бога-Слова 1723 в месяце Октомврии, возложивше различный для монастыря потребныя вещи в малую ладью, реко-

3

мую стружен, яхомся пути, пловуще от града Ладоги озером Ладожским в Валаамский монастырь, аз и два слуги монастыря того. Не достигшим же нам Ондрусова монастыря, яко трипоприща, нача мрачитися воздух, абие возста велия буря, и ово волне биующей в ладью, в ней же бе хом, ово же ветру ударяющу на долг час в ветрило, опровержися ладья в озеро, и слуги бывшие на ней погибоша. Остакся же аз един придержа-ся кормилу, им же управлях, и имый в руке вервь, утвержденную к ладии той».²³

Весь день и всю ночь носился Иосиф Шаров по волнам, вопия к Богу, призывая спасти его, как спас Бог Иону в чреве кита. Наконец услышано было моление – вместе с обломками ладьи Иосифа выбросило на берег.

Возблагодарив Бога и святителя Николая, Иосиф кое-как отвязался от обломков ладьи и побрел по берегу, но тут набежавшей сзади волною накрыло его и сшибло с ног. Не видя ничего и не слыша, Иосиф пополз.

«Егда же соверших мал путь, абие одолен гланием и стужею падох на прилучившийся ту поверженный дуб, яко мертв. Пришедшу ми в самага себе, обретох нозе мои углубшии под многим множеством бурею возметаемого песка, яко едва извлещи ми мощь бе, оставльшу ту сандалия своя. Седшу же ми на дубе том и смотрящу семо и овамо, се узрех близ себе лежаща ризы моя связана: шед же до места того, и разрешив я от обаяния. облачихся в овчую кожу, рекомую шубу, зело мокро сушу. Таже удалихся под древесие и возлегше под единым на мал час, возстах и идох далее, да еще обряшу путь в кую либо весь. Шедшу же ми наидох на блато и углебох в не тако, яко с нуждею возмощи изыти. И се узрех путь по нему же шествуя обретох рыбацкую хижину.

Изшедший из нея юноша вопроши мя. кто и откуда есмь?

Глаголющу ми, яко Валааме кий строитель есмь, и како избых потопления, он вземше мя за руку и введе в хижину и совлекше ризы моя, облачи мя во одежду суху.

Не могу же ему совлещи оставшая обувения моя, пререза ножем, принесе сено и метнув е на землю, положи мя и покрыв милотию, претя ми восходити на громощения, да не от тепла зло постражду. Сам же иде уготовати себе и прочим рыба-рем трапезу».²⁴

Тут, собственно говоря, и кончается «несчастное приключение...»

Потерпевший кораблекрушение строитель Валаамского монастыря Иосиф Шаров был спасен Божьей помощью.

Сюжет завершен.

Однако когда пришедший рыбак, расспросив Иосифа о месте крушения ладьи, ведет несчастного по берегу, в текст «Несчастливого приключения» как-то совершенно нескладно врывается сюжет с западной...

«Грядущу ми в дубраве и ничто же таково помышляющую внезапно ступих единою ногою в уготованную лова ради зверей тенету. Ей же восторгнутой бывшей на высоту, обвесихся стремглав, едва лицом касаяся до земли. Сице висящу и вопиющу ми гласом велиим, абие притече водяй мя рыба-рь и пререза тенету, яже оцеплена бе ко древу; аз же став на нозе, воскликнув ко Господу Псаломскую песьн: благо мне, яко смирил мя еси».

Нескладность и нелогичность повествования усиливается тем, что, рассказывая «яко смирил мя Господь», рассказчик картины своей несмиренности не приводит.

Напротив...

Хотя и изувечены его ноги, строитель Валаамского монастыря покорно идет за рыбаком по берегу, исполняя его волю...

Чтобы объяснить эту нескладность повествования, прежде всего уточним даты.

Само «несчастное приключение» произошло в 1723 году...

Тогда еще жив был Петр I...

Тогда еще, заключив их в Шлиссельбургскую крепость, «смирял» первый русский император святыи мощи благоверного князя Александра Невского, осмелившиеся не поспеть прибыть в Санкт-Петербург к годовщине Ништадтского мира...

И много, много такого совершал грозный Петр I в последние годы своей жизни.

Ну, а рассказано было «приключение» в 1769 году, во времена правления Екатерины II.

Примерно посредине между «приключением» и рассказом о приключении – 1736 год, когда строитель Иосиф Шаров оказался в застенке Феофана Прокоповича, интересовавшегося, по какому такому праву осмелились монахи восстановить Валаамский монастырь.

– По указу Петра I...

– И где же тогда указ этот ныне имеется?!

4

Прежде чем вернуться в застенок Феофана Прокоповича, скажем, что существует мнение, будто многие предания и истории сочинялись непосредственно на Валааме, чтобы приукрасить чудесами историю монастыря...

Так это или нет, надо разбираться в каждом случае отдельно, но вот о том, что на Валааме долгое время тщательно замалчивали и продолжают замалчивать сейчас едва ли не самое главное чудо своей новейшей истории, сказать надо.

Это тщательно скрываемое чудо – возрождение Валаамского монастыря в начале восемнадцатого века...

В феврале 1715 года, за шесть лет до принятия «Духовного регламента», узаконившего закрытие «слабосильных» монастырей и общее наступление на Русскую православную церковь, произошло действительно нерядовое для Петровского времени событие...

Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иринарх, в подчинении которого находилась и обитель Василия Кесарийского в Старой Ладге, где жили бежавшие от шведов валаамские монахи, бил челом Петру I о передаче «на Ладожском озере остров Валаамский и вокруг его рыбные ловли» Кириллову монастырю.

Архимандрит мотивировал просьбу тем, что, во-первых, это бывшая вотчина Валаамского монастыря, братия которого оказалась в составе Кирилловой обители; а во-вторых, территория эта после изгнания шведов пока еще не имеет нового российского владельца – «ныне впусе и никому не отдана».

Неведомо, какова бы была реакция Петра I...

Но к нему челобитная Иринарха и не попала. Ее переслали по инстанциям князю Алексею Даниловичу Меншикову, управлявшему тогда отвоеванными у Швеции землями.

Светлейший князь и подписал в январе 1716 года указ, в соответствии с которым просьба монастыря была удовлетворена и «остров Валаамской сообретающимися на нем крестьяны и с пашней и с лесы санными покосы и со всеми угоди» отдали в Кириллов Белозерской монастырь в вотчину.

Рыбные ловли отдавались монастырю лишь на пять лет.

«По прошествии тех пяти лет отдать тое рыбные ловли на откуп с торгу кто более давать будет...»

Понятно, что, подписывая указ, Меншиков и предположить не мог, что он помогает возрождению древнего Валаамского монастыря. Да и не столько о помощи Кирилло-Белозерскому монастырю думал

он, сколько о возможности привлечь к освоению Валаамских островов русского владельца.

«При этом, – считают исследователи, – он не отступал и от политического курса, направленного на сдерживание церковной собственности – эка вотчина: 4 крестьянских двора! А вот рыбные ловли, тут другое – богаты! Тут государственной казне прибыль, а может, и своей собственной. Так и не отдал губернатор рыболовные угоды Валаама Кириллову монастырю насовсем. Пусть попользуются пока лет пяток – потом продадим тому, «кто больше даст»²⁵.

Но если причины милости «светлейшего князя» просчитываются достаточно легко, то с мотивами поступков архимандрита Иринарха дела обстоят сложнее.

Нелепо само предположение, будто архимандрит решил «выжать» из Валаама больше, чем могли ожидать в губернской администрации, и поэтому и объявил епископу Ладожскому и Карельскому Аарону, в епархию которого входили теперь Валаамские острова, что «по имянному его великого государя указу велено... на Валаамском острове строить вновь монастырь».

О каком «выжимании» речь, если пока приходилось не «выжимать», а делать достаточно серьезные вложения в монастырское строительство?!

Ну, и понятно, что даже и ради выгоды идти на подлог с императорским указом не каждый бы решился...

Шибко рискованым должен был быть такой человек...

5

О подробностях совершившегося тогда чуда и допытывались в ходе синодального расследования причин строительства нового монастыря на Валааме у строителя Иосифа Шарова в застенках Феофана Прокоповича...

«Под страхом за неправдивое и утайное показание нетотию монашеского чина, но и жесточайшего в светском суде истязания» Иосиф ответил на вопросы следователей.

«– Когда был сооружен Валаамский монастырь?»

– До моей бытности.

– Подлинный указ где ныне имеетца?

– Не знаю.

– Для каковых резонов оной Валаамской монастырь к Кириллову монастырю Белозерского приписан?

– Не знаю.

– До приписки тот Валаамской монастырь чис-

лился в Синодальной ли области или в коей епархии?

– Не знаю.

– Игуменство ль в нем было или строительство?

– Того я не знаю. А с моей бытности Валаамской монастырь имелся и ныне имеется в ведомстве Кириллова монастыря Белозерского.

– Пашенной при монастыре колико десятин?

– Того сказать не упомяну.

– А на том де Валаамском острове... по описи Кексгольмского баталиона капитана Василья Доможирова... показуется построенная часовня в прошлых годах, была ли?

– Того не ведаю. Таковой часовни по приходе своем в тот монастырь, а имянно в прошлом 1719, не застал и ныне никакой часовни в том Валаамском монастыре також и жителей на оном острове трех дворов крестьянских и двора бобыльского не имеется...»

Отнекиваясь и во всем ссылаясь на уже завершившего земной путь настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря Иринарха, Иосиф заявил далее, что сам он лишь выполнял распоряжения, присылаемые от Кириллова монастыря, а также епископа Ладожского и Карельского Аарона, а с 1733 года еще и Новгородского архиерейского дома и Вологодского епископа.

В результате расследования дела о Валаамском монастыре члены Синода констатировали: «О строении того монастыря высокославныя и вечнодостояныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского указа не имеется, а обретается с помянутой благословенной за рукой предреченного архимандрита Иринарха грамоты копия... Утая прежнее на Валаамском острове монастыря бытие, объявлял оной архимандрит якобы вновь на том острове монастырь ему велено строить по имянному императорскому указу...»

Отметим это...

В ходе расследования синодальная комиссия установила, что никакого указа Петра I о восстановлении Валаамского монастыря предъявлено не было, архимандрит Иринарх просто ввел епископа Аарона в заблуждение...

Но было уже поздно...

В 1719 году на острове уже поднялась первая монастырская церковь – во имя Преображения Господня с приделами Иоанна Богослова и Андрея Первозванного.

И это было несомненное чудо...

И случилось оно как раз в те годы, когда по высочайшей воле всем архиереям объявлено было, чтобы в епархиях у них чудес не вымышляли...

Но не запретить Божии чудеса, не отменить их никаким указом.

Вопреки линии, проводимой Петром I и его преемниками, был дан толчок к возрождению Валаамского монастыря, хотя и нелегко, воистину потом и кровью в самом прямом значении этих слов, давались первые шаги...

6

Как обращались с человеком, заподозренным в организации подлога с императорской грамотой, как вырывались у Иосифа Шарова показания, догадаться нетрудно. О застенках Феофана Прокоповича и палачи из тайной канцелярии отзывались с большим уважением.

Вероятно, тогда поднимали строителя Иосифа Шарова и на дыбу, маленько «испытывали» его и кнутом...

И вот, спрашивается, переживая свое «несчастное приключение», не прозревал ли строитель Иосиф «приключения», предстоящие ему в застенке Феофана Прокоповича?

Как это ни странно, но поведение рыбаков как-то неуловимо напоминает поведение сделавших свое дело палачей...

«Рыбарь же... обрете мя толико немощна, яко ни востати о себе, ниже проглаголати ми леть бе, недуга ради телеснаго. Видев же сия, шед пригласи прочия рыбаки: они же притекше и принесоша в хижину свою... у них же лежаху неведомии два человека... еле жива суща и молиша, да им помогут. Рыбари совокульшеся идоша и подъемше на вретитшах челоуков сих, принесоша. Единого убо положивше чревом на дельфу; и егда начаша вращати семо и овамо, абие умре. Другаго же выспрь подъемше рукама, повергоша на землю он же отрыгну из гортани своя запекшуюся кровь, и пришед в себе, проглагола. Таже повергоша и мене; изыде же и из мене таковаяжде кровь и аз подобие проглаголах...»²⁶

Про свое «несчастное приключение», бывшее с ним сорок шесть лет – почти полвека! – назад, строитель Иосиф Шаров рассказывал тридцать три года спустя после пыток в застенках Феофана Прокоповича.

Отчасти, вероятно, события жизни наплывали одно на другое...

Отчасти могло присутствовать – вспомним о бушевавших тогда преследованиях духовенства! – некое иносказание.

Отчасти – Иосиф, попав к рыбакам, находился в состоянии крайнего переутомления и болезненной горячки – его сознание было открыто для прошлого и для будущего...

Поэтому не так и важно, как «путает» в своем рассказе Иосиф Шаров различные события своей жизни: вспоминая их или же прозирая свою жизнь вперед.

Очевидно, что в том высоком молитвенном сосредоточении, в котором находился Иосиф Шаров, сливались настоящее, прошлое и будущее – в единое, Божие время...

Настоящее, прошлое и будущее сливались и в том высоком молитвенном сосредоточении, в котором находился Иосиф Шаров, когда он, по сути дела вопреки воле императора, на свой страх и риск, восстанавливал Валаамский монастырь.

И монах – все окрестные монастыри были закрыты тогда! – пришедший спасти строителя Иосифа Шарова из этого Божьего времени и приходит.

И является он строителю Иосифу Шарову, как некогда явился захваченному в плен разбойнику Ондрусу сам преподобный Адриан Ондрусовский.

7

Почему сшит текст «Нешастного приключения...» со «Сказанием...», становится понятно, когда мы читаем описание кораблекрушения, в которое попал сам автор «Сказания» – валаамский иеромонах Иннокентий, будущий игумен монастыря.

«В Лета 1782-го в Августе месяце бысть послан из Валаамского Монастыря с некоторою братиею иеромонах Иннокентий в город Новую Ладогу для покупки хлеба для монастыря припаса. И егда возвращахуся в Монастырь плавание творя по Олоонецкому берегу Ладожскаго Озера и уже быти им на два только поприща от Андрусовой пустыни, в то время внезапно воста буря велия и вдруг сильным ветром понесло их сойму на средину озера, вскоре же село судно на луду, где и било их всю ночь волнами до того, что сойму набок опрокинуло, а после и на части разбило, волне же чрез сойму их перекачиваясь ежеминутно приводили всех их в страхе смерти. Когда же погода к утру стихла, тогда иеромонах Иннокентий зделал из досок плотик, стал на оный. Зная же, что они недалеко находятся от пустыни, преподобным Адрианом во имя Святителя и Чудотворца Николая созданной и по упразднении тогда в конечном запустении бывшей, помолился сим святым, дав обет и жить в сей пустыне и возобновить ее по возможности: и тако поплыл волнами

носимый, (в Ладожском озере волны после бурь более суток не утихают) – и Божиим поспешеством за молитвы Святителя и Чудотворца Николая и преподобного Адриана, принесен был волнами к берегу безбедственно, и что удивительно, прямо к Андрусовой пустыне. Вышел убо на берег и wszed в монастырь велие воздаде благодарение Спасителю Богу, Божией Матери, Святителю и Чудотворцу Николаю и преподобному Адриану за избавление свое и сущей с ним братии от потопления. По сем поиде в город Олонец и поведа все бывшее Протоиерею, таже иде в Троицкий Александро-Свирский монастырь к Преосвященному Виктору Новгородской Митрополии Викарию, и просяше благословения поселитися ему в упраздненной Андрусовой пустыне. Сей же повеле ему просити о сем Гавриила Архиепископа (после Митрополита) Новгородского и С-т-Петербуржскаго, тогда старец Иннокентий шед в Ильинский погост нанял новую сойму, и приплыл к своей разбитой, и переложив с братиею хлебной припас в оную, вси достигают Валаамскаго Монастыря благополучно»²⁷.

Параллели тут очевидны.

Герой «Нешастного приключения» – строитель Валаамского монастыря Иосиф Шаров.

Герой «Сказания» – валаамский иеромонах Иннокентий.

И тот и другой плывут на Валаам.

Буря застигает Иосифа Шарова в трех поприщах от Ондрусова монастыря.

Иеромонаха Иннокентия – в двух...

И тот и другой обращаются с молитвой к Николаю-годнику. И оба чудом спасаются с потерпевшей крушение ладьи.

Но, в отличие от Иосифа, Иннокентий местный уроженец²⁸, он твердо знает, где он потерпел кораблекрушение, развалины какого монастыря виднеются на берегу. И он не просто молится, но дает обет возобновить Ондрусову пустыню...

Не поэтому ли и возвращается Иннокентий на Валаам не с черным «аки углие» ногами, а благополучно, сумев даже спасти и хлебный припас, что вез в монастырь?

Совершенно очевидно, что игумен Иннокентий, составляя «Сказание...», тоже думал о параллелизме этих, разделенных шестьюдесятью шестью годами кораблекрушений... Но по смиренномудрию своему он не говорит, что не понята была строителем Иосифом воля святого, потому и понес Иосиф кару...

Иннокентий просто вшил в свой труд – эти листки даже и формата другого! – описание «Нешастного приключения...» и этим ограничился.

8

Как явствует из «Сказания...», иеромонах Иннокентий тоже не сразу приступил к исполнению обета.

И тогда было сделано вразумление.

«По прошествии одного месяца во един от дней видит сей старец Иннокентий в сонном видении Николая Чудотворца в священнической одежде и омофоре и за ним святолепна старца, иже бысть, по мнению его, преподобный Адриан Андрусовский, иже и рекоша ему: что ты обещаешь не исполняешь? Есть ли не исполнишь, то горше постраждешь, еже и бысть.

На другой бо год паки старец Иннокентий посылает бывает с малою дружиною из Валаамского монастыря в Новую Ладогу за покупкою муки, крупы и прочаго хлебнаго припаса, так же извести и кирпича для печей и привести кирпичников. Нагрузив убо в Ладоге сойму, поехали они в монастырь обратно и опять по Олонецкому берегу. И как скоро изровнялись противу Андрусовою пустыни, то вдруг встал с берега ветер, который и понес лодку их в море (так называет иеромонах Иннокентий Ладожское озеро) против ночи. И вот далее подлинныя слова его! и так райну, говорит Иннокентий, сломало, паруса все разорвало, и несло нас без парусов боком, в ту же ночь и гром и молния и дождь весьма сильныя били. Вот я и вспомнил, что Святой Николай Чудотворец сказал, что будешь ты наказан, есть ли не исполнишь обещания своего! и паки призываю угодника Божия Николая Чудотворца в помощь и преподобного Адриана: свободите нас от беды и смерти сея, есть ли жив буду, то буду проситься у Преосвященного пожить и за помощью Божию и Божию Матери и угодников Николая Чудотворца и преподобнаго Адриана Чудотворца, поправить монастырь потщуся.

Да еще сего наказания мало: два раза меня бросало рулем в воду, и две камилавки с головы остались в воде, а сам не знаю какими судьбами, и подымусь с воды на сойму, а работник Федот безпрестанно воду отливает из соймы, а печники Феодор Трофимов с товарищем еле жива лежат в каюте; и как скоро ударит о сойму валом, то они кричат: ох погibli! и так нас несло ночь всю осеннюю, и сами не знаем, куда нас несет; а как скоро стало разсветать, то работник Федот паруса кое как починил, и вместо райны поставили шест или сказать багор, и так ехать продолжали, и посмотрим, показался берег: то слава Богу, мы обрадовались, а как приехали поближе, то усмотрели Коневский монастырь, (на острове Ладожского же озе-

ра, от Андрусовою пустыни более 100 верст отстоящи,) и весьма обрадовались, и пристали в пристань, и пошли в монастырь согреться и отдохнуть; но на следующий день в ночь зделалась погода и ветер самый пресильный, и так сойму нашу волнами в пристани в зад и перед матало, что веревки, которыми она привязана, перетерлись, сойму нашу с пристани вынесло на чистой берег, где она осела и разбилась; после того муку на берег вытаскали, пересушили пшено и горох, крупа гречневая почти вся пропала, известь всю водой промыло, а кирпич иной вытаскали, а иной пропал, после того я сойму нанял в Чертовой Лахте у крестьянина Егора и так приехал в монастырь Валаамской.

2/. 1813 года Месяца Октября, паки глаголет Игумен Иннокентий, в некую ночь пред заутренею виделось мне в сонном видении, якобы я еду по Ладожскому озеру в лодке, и стала лодка моя помалу тонуть, и видится как будто некий остров и церковь каменная небольшая, а как скоро приблизился поближе и узнал, что Андрусовская пустыня и обрадовался, и воздохнул из глубины сердца: О, Преподобие Отче Адриане! не остави меня погибнути в беде сей.

И внезапно явился монах, взя меня за руку, и поднял и говорит мне: доколе тебе не исполнить обещания своего.

Я испрашиваю: ты, Отче, Кто такой и откуда?

Он и говорит мне: Я пустыни сей Начальник.

Я и говорю ему: не смею проситься у Преосвященнаго.

Он и говорит мне: просись, он тебя отпустит и благоволит с любовью.

И так пришел будильщик просить благословения к утреннему пению. Пробудясь от сна, видя себя в великом страхе и слезах от бывшего видения сердце мое трепетало, но возрадовавшись что нахожусь в кельи.

До zde собственноручное повествование Игумена Иннокентия».

9

На этих словах завершается Валаамское «Сказание о Преподобном Отце нашем Адриане Чудотворце, основавшем около 1520 года по Р.Х. на берегу Ладожского озера в 25-ти верстах от города Олонца Монастырь, именуемые ныне Ондрусова пустыня».

Далее продолжается Сказание, сотворенное молитвами, хлопотами и трудами игумена Иннокентия на месте заброшенной Ондрусовою пустыни.

Тридцать лет не удавалось исполнить ему данный обет, но пришел час, и Господь послал помощь.

В 1808 году благодаря помощи купцов Симеона Чусова и Андрея Гусарова удалось обновить в Ондрусовой пустыни древнюю церковь святителя Николая.

Потом пришла очередь возобновления и самой пустыни.

В 1817 году купец Андрей Гусаров пожертвовал на обновление пустыни 3000 рублей и 6000 рублей положил в опекунский совет для вечного обращения в пользу обители.

Как пишет архимандрит Никодим:

«Отец Иннокентий ревностно приступил к святому делу: храмы Божии привел в должное благолепие; воздвиг необходимые здания: его старанием возвращены пустыни древние дары Царские: тони на Ладожском озере и другие уголья: он исходатайствовал дозволение числиться пустыни приписною к Валаамскому монастырю, с содержанием заштатной семибратской, из своего монастыря назначил благонадежного настоятеля и перевел шесть человек монашествующих»²⁹.

Сдав в 1823 году (ему было уже восемьдесят пять лет) игуменство Валаамского монастыря, старец Иннокентий посвятил все оставшиеся годы на пользу двух обновленных им пустыней, Ондрусовой и Сяндемской.

Скончался старец Иннокентий 22 сентября 1828 года в возрасте 90 лет. Погребли его на Валааме...

А Ондрусова пустынь была удостоена посещения государя императора Александра Павловича. По пути в Финляндию император остановился в Олонце и пожелал посетить обитель.

8 августа 1819 года, оставив свиту, он переправился в рыбацкой лодке на левый берег Олонки и, наняв лошадь, в сопровождении крестьянина деревни Большаковой Ермолая Маниева поехал к обители.

Словно из Жития преподобного Адриана Одрусовского забрела в начало XIX века к императору Александру I эта лошадь. За две версты до пустыни лошадь, испугавшись чего-то, запнулась, и Его Величество продолжал путь пешком...

Лошадь была назначена преподобным Адрианом, чтобы привести монахов к месту, где было брошено в болоте его тело.

Кажется, что эта лошадь и ведет императора к возобновленной пустыни, чтобы вновь была прославлена она по всей Русской земле...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Новая страница в истории восстановления Приладожских монастырей, связанных с именем Адриана Одрусовского, пишется в наши дни...

В июне 1998 года нам довелось побывать в Сторожно, когда тогдашний настоятель храма Иоанна Предтечи в Старой Ладоге иеромонах Евстафий (Жаков) повез туда икону, на которой были изображены стоящие рядом Николай Чудотворец и преподобный Киприан Стороженский.

– Был Киприан разбойником... – сказал отец Евстафий, передавая икону местным жителям. – А стал инокам наставниче, ангелам собеседниче. Отчего же мы не последуем его примеру? Не раскаемся в ожесточении сердец наших? Не оставим разбоя? Посмотрите, во что превратили мы этот храм, обитель преподобного Киприана? Почему так спокойно смотрим на разруху? Почему не придем сюда, чтобы вынести мусор из храма, расчистить завалы, сложить кирпич к кирпичу, камень к камню, доску к доске...

– А объявления, батюшка, не было! – сварливо ответила одна из местных жительниц. – Написали бы, мы, может, и пришли бы на субботник...

– Какой субботник? – удивился отец Евстафий. – Чего еще писать надо, если у вас на глазах эти руины? Придите, когда выдастся свободная минута, поработайте здесь, и вам самим сразу станет лучше!

– Все равно объявление написать надо! – повторила женщина. – Откуда знать, что тут делать надо?

Но уже не так сварливо звучал голос, какая-то неуверенность появилась, словно осознала женщина, как неуместна затеянная перебранка перед светлой иконой, внесенной в сумрачное, более схожее с подземельем, чем с храмом, помещение...

Они, Николай Чудотворец и Киприан Стороженский, стояли сейчас рядом с нами...

А вскоре после этого, в июле 2001 года, довелось нам побывать и в Адриано-Одрусовском монастыре.

Это не так уж и далеко, если свернуть у Ильинского с Мурманского шоссе и по берегу Олонки двигаться к Ладожскому озеру.

Вначале дорога была вполне приличная, но последний десяток километров дался с великим трудом. То и дело дорогу преграждали глубокие,

заполненные темной торфяной водой лужи, сама дорога то и дело разветвлялась, и мы трижды выезжали на ладожский берег, только совсем в другом месте.

И каждый раз как-то не по себе становилось – на берегу стояли в ряд дорогие джипы, и никого не было вокруг, только плескалась о берег, поднимая со дна мусор, ладожская волна.

Места тут были безохранные... Настоящее раздолье для рыбаков.

Похожее ощущение осталось и от самого Ондрусовского...

Были тут и полуразвалившиеся дома, но больше крепких времянков и лодочных сараев, из которых и совершали хозяева их на своих моторках набег на богатые рыбой луды...

От самого монастыря оставались только развалины храма Введения Пресвятыя Богородицы. Над местом, где почивали под спудом мощи преподобного Адриана Ондрусовского, иноками Важеозерского монастыря был поставлен простой крест. На крест была прикреплена бумажная, но почему-то не выцветающая и под дождями, и под солнцем иконка преподобномученика.

Мы помолились здесь на заросших пахучей земляникой развалинах и направились в обратный путь...

Уже с дороги мы оглянулись.

Крест, поставленный на развалинах храма, возвышался над окружающими времянками и лодочными гаражами, и сейчас, когда мы смотрели на него против солнца, возникает ощущение, что это сам преподобный Адриан Ондрусовский и встал в окружении сальских пиратов, которых еще предстояло ему вразумить христианской любовью...

И, конечно, верилось, что так когда-нибудь и произойдет, но верилось в это как-то отвлеченно, невозможно было представить, что это случится в реальном времени твоей жизни.

Но такова сила преподобного Адриана Ондрусовского, что все невозможное оказывается возможным по молитве к нему...

В июле 2011 года администрация Олонецкого района передала Митрофаниевской пустыни Важеозерского монастыря в срочное безвозмездное пользование участок, часть которого являлась исторической территорией Николаевской Ондрусовой пустыни.

На двух фундаментах поднялись жилые деревянные дома с печным отоплением. В одном из

них разместили домовый храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и братскую трапезную...

Над местом, где почивают под спудом мощи преподобного Адриана Ондрусовского, соорудили временную часовню с ракой...

19 марта 2014 года Священный Синод Русской Православной Церкви благословил открытие Никольского Адриано-Ондрусовского мужского монастыря.

Игуменом его был назначен иеромонах Тит (Буканов)...

Примечание

¹ Андрей Завалишин, как сказано в житии преподобного Александра Свирского, происходил «из московской земли» и в новгородскую Обонежскую пятину был прислан великим князем Иоанном III Васильевичем «на поместье». Недалеко от реки Свири он имел богатое имение, которое находилось на месте нынешней деревни Кондуши (Андреевщины) Лодейнопольского района. В писцовых книгах Обонежской пятины за 1496 год действительно упоминается помещик Андрей Никифорович Завалишин.

² Олонецкие епархиальные ведомости, 1902, №22, стр. 725.

³ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф. 1, оп. 7.

⁴ Там же, стр. 724.

⁵ Олонецкие епархиальные ведомости, 1902, №22, стр. 723-725.

⁶ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф. 1, оп. 7, лл. 5-6.

⁷ Там же, л. 6.

⁸ Олонецкий патерик, или Сказание о жизни, подвигах и чудесах Преподобных и Богоносных Отец наших, Просветителей и Чудотворцев Олонецких. Олонецкие епархиальные ведомости, № 14, 1910 г., стр. 308.

⁹ Олонецкие епархиальные ведомости, 1910. №14, стр. 308.

¹⁰ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф. 1, оп. 7, л. 6.

¹¹ Год кончины прп. Киприана указывала дата, выбитая на его надгробии: «На сем месте погребен Киприан, начальник и строитель обители сей, лето от сотворения мира 7006 (1498)». Сейчас могила и надгробие преподобного утрачены, но сохранилось свидетельство путешественника, видевшего надпись. – Андреев А.П. Ладожское озеро. 1875.

¹² Это название продолжает хранить сейчас деревня Загубье.

¹³ «Олонецкий патерик», Олонецкие еп. вед., 1910, № 14, стр. 308-309.

¹⁴ А.П. Андреев. «Ладожское озеро», 1875 г.

¹⁵ Впервые это предположение высказал в 1905 году историк А.Петров.

¹⁶ Вящници, Гачу, Утицу, Чунбуру.

¹⁷ Интересно, что преподобный Геннадий Костромской был направлен к преподобному Корнилию в Корнилиев Комельский монастырь Александром Свирским.

¹⁸ Курик – это суковатая дубина, использовавшаяся карелами как вспомогательное орудие при колке дров. Сначала в чурку загонялся клин или топор, а затем сверху по нему били этой самой дубиной. Говорят, что с тех пор жителей деревни Обжи прозвали обжанскими куриками.

¹⁹ «Лета 7058 (1550) июля в 20 день, преставися царевна и великая княжна Анна Иоанновна, дщерь благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, а погребена была в сем монастыре в деревянной церкви богоотец Иоакима и Анны, на коем месте построена была каменная, а стояла не освящена многие годы, и та церковь для ветхости разобрана, и в лето 7193 (1685) мая в 25 день при державе благородных великих государей и великих князей Иоанна Алексевиича, Петра Алексевиича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, изволением сестры их государевы великия государыни благородныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны, тоя благородныя царевны и великия княжны Анны Иоанновны тело в прежней каменной гробнице и с надписанною прежнею доскою пренесено и поставлено на сем месте соборная церкви под алтарем, а тезоименитство ея сентября в 9 день, а на пре-

несении была великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна». Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. XIX, с. 302.

²⁰ Ол. еп. вед., 1910, №14, стр. 312.

²¹ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф.1, оп.7, с.14.

²² «О пятиках и погостах новгородских». Прилож. VI, стр. 136.

²³ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф. 1, оп. 7, л. 8.

²⁴ «Нешастное приключение...», л. 9.

²⁵ А.М. Спиридонов и О.А.Яровой. «Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия».

²⁶ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф. 1. оп. 7 лл. 7-11.

²⁷ «Сказание...», с. 14-15.

²⁸ Иннокентий родился в 1738 году в Олонецкой губернии, в деревне Рижкалицы, что на правом берегу Олонки в Туксинском приходе. В 1762 году пострижен в монахи на Валааме игуменом Ефремом. 10 апреля 1762 года (год, когда и попал первый раз в кораблекрушение у Ондрусовой пустыни) рукоположен митрополитом Гавриилом в иеромонахи. 13 июля 1801 года возведен митрополитом Амвросием в игумены Валаамского монастыря.

²⁹ Ол. еп. вед., 1910, № 14, с.315.

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане», «Гавдаря»,

«Утихой воды», «Неудавшийся побег», «Гибель красных Моисеев»,

«Подвиг митрополита», «Путник на краю поля», «Ангел Родины»,

«Солженицын в обвале», «Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и др.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник», «Молодая гвардия»,

«Север», «Студенческий меридиан».

Марина Викторовна КОНЯЕВА

родилась в городе Ступино Московской области.

Окончила Белорусский государственный университет.

Работала в Академии наук БССР, в издательстве «Русь».

Автор многочисленных статей и книг,

выпущенных в соавторстве с Николаем Коняевым.

Основные из них – «Свирские святые»,

многотомный «Русский хронограф».

Живет в Санкт-Петербурге.

